

Веселая атмосфера рухнула в одночасье — из-за единственной неуместной шутки. Взгляд Линь Цзунцзе потяжелел, лицо начало постепенно каменеть.

—.....

Сун Чэн молчал.

Линь Цзунцзе тоже молчал.

— Президент, ну... я же пошутил.

Сун Чэн развёл руками с видом полнейшей невинности — любой мало-мальски зрячий человек понял бы, что он просто отпустил случайную шуточку. Но суровая реальность незамедлительно преподала ему урок: не связывайся с Президентом, который занимается бегом на длинные дистанции. Побить — побьёт, это само собой. Но самое обидное — от него даже не убежишь.

Не пробежав и сотни метров, Сун Чэн поймал подсечку и был прижат к асфальту. Хлюпая носом, он клялся всем, чем только можно, и расписывался собственными двадцатью годами жизни в том, что к Хань Линю не питает ни малейших посторонних чувств, — лишь после этого Линь Цзунцзе соизволил отпустить его живым.

После медосмотра не было ни минуты забежать в класс. Линь Цзунцзе рванул домой, неловко тыкаясь в клавиши, кое-как открыл компьютер и подключился к записям домашних камер. Перемотал на вчерашние десять вечера и уставился в монитор с такой сосредоточенностью, с какой прежде не смотрел ни на что в жизни: нос едва не касался экрана — боялся пропустить хоть деталь.

Когда Хань Линь затаскивал его в дом, Линь Цзунцзе — который пьянел всегда прилично, просто отрубаясь, — на сей раз умудрился опозориться перед любимым человеком по полной программе. Слов слышно не было, зато по раздражённой физиономии Хань Линя и по тому, как тот раз за разом снимал с себя чужие руки, неотступно тянувшиеся к его шее, всё и так было понятно.

«Этот тип опять что-то мутил».

Линь Цзунцзе при всех своих причудах всё же считал себя красавчиком и потому всегда следил за имиджем. И вот — помыкался с Хань Линем, чем-то его домогался, открыл рот и... «ва-ааа» — выблевал всё вокруг.

Хотя вчерашнее стёрлось из памяти без следа, при виде этой картины Линь Цзунцзе за экраном брезгливо скривился.

— Блин...

Согнувшись пополам и вытряхнув из желудка всё содержимое, тело наконец ощутило облегчение — зато верхняя половина немедленно начала заваливаться набок. Хань Линь успел подхватить его за плечи, не дав рухнуть мордой прямо в лужу «того самого».

С трудом дотащив бесчувственную тушу до дивана, Хань Линь сходил в ванную за полотенцем и бумажными салфетками, потом опустился на корточки и принялся прибираться — тихо, аккуратно, почти смиренно, точно послушная маленькая жёнушка. Вытер всё несколько раз подряд, открыл окно проветрить — и лишь после этого вернулся, чтобы помочь Линь Цзунцзе подняться на второй этаж.

Вот тут-то у того, видимо, и разыгралось что-то нехорошее. Даже через экран Линь Цзунцзе почувствовал, как от записи повеяло атмосферой «не для детей». Он придвинулся вплотную к монитору — и увидел: Хань Линь только наклонился, чтобы помочь ему встать, как тот грубо дернул его за руку и припечатал к себе.

«Да твою ж... это что — поцелуй?!»

Вот только если и поцелуй — то за чужой счёт. Сам ни черта не помнит, а клеймо прилипнет навсегда.

Линь Цзунцзе аж хлопнул по столу и выпрямился. Хорошо хоть Хань Линь — при всей своей внешней невозмутимости — в решительный момент не растерялся: одним резким толчком отшвырнул непрошеного гостя. Отпечаток зубов на правой ключице, стало быть, появился именно тогда — когда Линь Цзунцзе всем весом врезался в него.

Тот сполз с дивана на пол, Хань Линь промахнулся с толчком и ударился о край журнального столика, и они покатались вместе. Хань Линь ещё долго растирал ушибленную руку, сидя в углу, — и только потом, не держа зла, всё-таки отволлок великого хулигана на второй этаж.

Сун Чэн ввалился в класс с видом человека, пережившего стихийное бедствие, — как раз когда Хань Линь вставал с места за водой.

— Что с тобой?

Они столкнулись у учительского стола. Учебный староста — редкий случай — удостоил бывшего соседа по парте крупницей участия. Сун Чэн наморщил нос и с убитым видом уткнулся ему в грудь.

— Учебный, Президент меня отметелил. Ы-ы-ы...

—.....

Слов утешения не нашлось, зато руки кое-что умели. Хань Линь на секунду застыл, потом осторожно похлопал Сун Чэна по спине.

За день Линь Цзунцзе наведался в школу дважды. Первый раз — объясниться. Второй — уже как нормальный человек: с помытой головой, в свежей одежде, с рюкзаком за плечами. В класс он ворвался с пакетом мазей и спреев как раз в разгар контрольной — в аудитории стояла гробовая тишина.

Не обращая ни на кого внимания, Линь Цзунцзе плюхнулся на своё место. Не спрашивая разрешения — да и какое разрешение, когда Хань Линь этой левой рукой сейчас пишет, — схватил его за кисть и перевернул ладонью вниз. Так и есть: весь тыл руки покрыт синяками от вчерашнего удара.

— Ты чего?

Хватка у Линь Цзунцзе была железная. Хань Линь дёрнулся раз, другой, третий — без толку: та рука прилипла как банный лист, не отдерёшь. Устраивать сцену в тишине контрольной не хотелось, пришлось шипеть вполголоса.

— Ты поранился — почему не сказал? Я тут купил кое-что... Аптекарьша спросила, что случилось, я толком не объяснил — сказал только, что ушиб. Она насыпала вот столько всего — и пластыри, и спреи. Что лучше возьмём?

— Всё нормально. — Хань Линь дёрнулся ещё пару раз. Напрасно: чем сильнее тянул он, тем крепче сжимал Линь Цзунцзе.

— «Нормально» — это когда ты сидел и тёр руку как проклятый?

Линь Цзунцзе вспомнил, как Хань Линь сидел в углу дивана, уткнувшись в собственную кисть, — и что-то тёплое шевельнулось у него в груди.

Хань Линь понял: с этим типом спорить бессмысленно. Упрямый как бык — если вобьёт себе в голову, что надо намазать мазью, будет изводить хоть всю ночь, но своего добьётся.

Вздохнув, он покорно вытянул руку и взялся правой за ручку, продолжая писать.

Линь Цзунцзе вскрыл упаковку и потянул защитную плёнку — резкий, едкий запах мгновенно прокатился по всему девятому классу.

Головы разом поднялись. Увидели, откуда запах, — и молча уткнулись обратно в листки.

Сун Чэн тоже покосился через плечо. Слышал он, конечно, каждое слово — и Линь Цзунцзе, и Хань Линя, — но сейчас ему было абсолютно не до чужих тайн. Первая мысль: «Президент опять здесь». Вторая: «Закрой рот и живи».

Этот Президент был поистине беспощаден.

— Я только что снял с плеча Хань Линя волосок. По длине и цвету — вылитый твой.

Линь Цзунцзе поймал Сун Чэна у туалета. Тот едва не разрыдался в голос — первым порывом было рухнуть прямо на кафельный пол с воплем: «Учебный, спаси! Урезони этого Президента, он жить не даёт!»

Но рефлекс уже был выработан намертво: при виде Линь Цзунцзе внутри что-то ёкало — и всё. Собрав в кулак остатки самообладания, Сун Чэн с праведным видом отверг обвинение:

— Не может быть.

— Тогда этот волосок...

— Совершенно точно не мой.

— А сегодня...

— Сегодня к учебному старосте, кроме вас, Президент, не подходил ровным счётом никто.

— Тогда...

— Это, возможно, его собственный.

— Хм. — Линь Цзунцзе поднёс сухую желтоватую прядку к свету и внимательно рассмотрел. — Но по структуре — не похоже на волосы Хань Линя.

— В сотне здоровых волос всегда найдётся один тусклый. Учебный столько учится и думает — это неизбежно сказывается.

Столь бредовый аргумент — и Линь Цзунцзе, поглаживая подбородок, кивнул:

— Резонно.

Выкрутившись благодаря собственному красноречию, Сун Чэн едва дождался конца вечерних занятий. Едва прозвенел звонок, он запихнул тесты в рюкзак, позабыл о привычке прощаться с Хань Линем, чинно поклонился Линь Цзунцзе — и дал дёру.

Хань Линь проводил его взглядом.

— Что с ним?

Линь Цзунцзе пожал плечами.

— Понятия не имею.

— Ты ещё здесь?

— Тебя жду.

Хань Линь дописал последний вопрос — букву «А» — и убрал ручку. Линь Цзунцзе взглянул на его черновик: чистый, аккуратный, будто страница из прописей. Внутри что-то потеплело.

«Не зря же я на него глаз положил».

Хань Линь собирал портфель, не поднимая головы.

— Задания сдай — это в твоих же интересах.

— Всё сделал. Сегодня наверстал всё, что пропустил вчера. — Линь Цзунцзе деловито вытащил из парты тетради и листки с тестами, аккуратно сложил стопочкой, а поверх бережно убрал розовую наклейку Хань Линя. — До последней строчки. Проверь хоть всё подряд.

Хань Линь принял стопку и мельком глянул: на наклейке у каждого выполненного задания стояла аккуратная галочка.

— Снова только тесты?

Линь Цзунцзе почесал затылок.

— Решил один большой пример. Наверное, неправильно.

— Формулы хоть учил?

— Несколько простых.

Времени оставалось мало, торчать в классе было уже неловко. Хань Линь убрал его работы к себе в портфель.

— Дома посмотрю. По английскому — больше слов и текстов наизусть, без фанатизма. По математике сегодня выучи: формулу суммы двух углов, формулу двойного угла, универсальную подстановку, формулу половинного угла, формулы суммы и разности, сумму первых N членов прогрессии...

— Подожди. — Линь Цзунцзе перебил его. — Что ты сейчас сказал?

— Математические формулы.

— Я запомнил только «половинного угла».

— Формулу суммы двух углов, формулу двойного угла, универсальную подстановку, формулу половинного угла, формулы суммы и разности, сумму первых N членов прогрессии.

Хань Линь вышел из класса, закинув портфель за плечо. Линь Цзунцзе тут же вскочил следом.

Шагал рядом, насвистывая себе под нос.

— Я принесу тебе завтра завтрак, а?

— Спасибо, не надо.

— Ты больше любишь с мясной начинкой или с овощной? Мясо — говядина или свинина? Соевое молоко с сахаром или без? Если с сахаром — много или чуть? Чайные яйца будешь? Или лучше жареные палочки? Или хлеб? Хлеб сладкий или солёный? Со взбитыми сливками или с мясной крошкой?

<http://bllate.org/book/18229/1758606>